

НОВИКОВ Алексей Митрофанович

Новиков А.М. (1865 — 1927) — один из организаторов медицинского факультета Уральского университета. Заведующий кафедрой акушерства и гинекологии Уральского университета (1920 — 1924). Окончил математическое отделение физико-математического факультета Московского университета (1888) и медицинский факультет Московского университета (1906). Учитель в семье Л.Н. Толстого в 1889 — 1890 гг. Совместно с Л. Н. Толстым участвовал в организации помощи голодающим крестьянам (1891). Автор воспоминаний о Л. Н. Толстом.

ЗИМА 1889/1890 гг. В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ*

(Картины Яснополянской жизни в 1890-х годах)

Семья Толстых, жившая уже много лет по зимам в Москве, решила в 1889 г., по настоянию Льва Николаевича поселиться в Ясной Поляне. Двум младшим сыновьям, Андрею [1] и Михаилу [2] Толстым, предстояло готовиться к поступлению в гимназию, и я, только что кончивший тогда математический факультет, получил приглашение занять место учителя.

В конце сентября 1889 года я приехал в Ясную Поляну. Не доезжая нескольких саженей до деревни, извозчик свернул в старые усадебные ворота с каменными столбами, и по широкой садовой аллее, мимо избы садовника и заросшего тиной пруда мы подъехали к большому двухэтажному дому с верандой, стоявшему в саду. Перед домом — цветник, слева в нескольких саженях двухэтажный флигель, сзади дома, через канаву, фруктовый сад, с замыкающим его густым лесом — Чапыжем. Левее через Чапыж дорога спускается к речке Воронке, протекающей в полутора верстах от усадьбы. Теперь близ

этой дороги находится могила Льва Николаевича.

Из большой прихожей я поднялся по широкой лестнице наверх в большую высокую залу. По длинной стене в массивных рамах висело с десятков потемневших больших фамильных портретов предков и родственников Льва Николаевича. По середине комнаты, ближе ко входу, стоял длинный обеденный стол. Слева от входа рояль, ближе дверь вела в спальню и будуар хозяйки. В самом дальнем углу стоял круглый стол, покрытый мягкой пурпуровой скатертью, окруженный мягкими диванами и креслами, с большой лампой под зеленым абажуром в центре стола. Этот зал был по зимам и осенью главным центром общественной жизни в Ясной Поляне. Здесь ежедневно с утра и до глубокой ночи толпился народ — многочисленная семья Толстых с домочадцами, постоянные гости из Тулы, случайные посетители.

Ко мне вышла пожилая, но еще моложавая нарядная дама — графиня

* Печатается по: Лев Николаевич Толстой: Юбилейный сб. М.: Л., 1928. — С.202-217.

Софья Андреевна Толстая [3]. Разговор наш с ней был короткий: она излагала мне свои требования, я на них кивал головой. «Плата 50 рублей в месяц», — заявила она под конец не совсем уверенным голосом. Раньше, при приглашении, мне было заявлено Львом Львовичем Толстым [4], что графиня согласна платить 75 рублей в месяц, но плата мне была совершенно безразлична: я был готов отдать свои последние дырявые сапоги за заманчивую возможность жить бок о бок с Толстым. Поэтому и на этот пункт я также без всякого замедления закивал головой. «Ну вот, а жить вы будете во флигеле: летом там живут Кузьминские [5], а зимой, кроме вас, там никого не будет. На этом разговор окончился, и через неделю я, переселившись в Ясную Поляну, начал свои занятия с мальчиками.

Семья Толстых в то время состояла из отца, матери и девяти человек детей. Старший сын Сергей [6] окончил естественный факультет, жил в своем имении в Чернском уезде, служил земским начальником, был холост, земец по убеждениям и направлению, и часто наезжал в эту зиму в Ясную Поляну, был всегда любимцем матери. Второй сын, Илья [7], нигде не доучился, женился, поселился в своем имении в Чернском уезде и служил членом земской управы. Третий сын, Лев, также любимец матери, только что поступил на медицинский факультет Московского университета, который он скоро бросил и перешел на историко-филологический факультет, который тоже скоро бросил и занялся писательством. Следующие сыновья, Андрей и Михаил, были моими ленивыми и невнимательными учениками. Оба они не кончили даже гимназии. Последний, Иван [8], был еще на руках у няньки и только что

начинал ходить. Дочери Татьяна [9] и Мария Львовна [10] были еще не замужем, младшая Александра [11] была пятилетней девочкой, гулявшей с своей гувернанткой-англичанкой и выбиравшей для своих прогулок преимущественно лужи, чем выводила из себя англичанку, не перестававшую сердитым голосом читать ей нравоучения. Кроме меня, у мальчиков был гувернер-француз из Швейцарии.

Жили в Ясной Поляне недружно. С одной стороны, текла жизнь богатой помещичьей семьи, причем все хозяйство и домоводство вела графиня; она смотрела за воспитанием и учением детей, вела книгоиздательство, посылала собирать арендную плату за землю, судилась с мужиками за самовольные порубки и потравы; дети, домочадцы, прислуга обращались за разрешением всех вопросов исключительно к ней. Рядом шла совершенно отдельная жизнь Льва Николаевича. Он нисколько не интересовался ни практическими делами, ни хозяйством, ни обучением и воспитанием детей, ни недоразумениями между прислугой и домочадцами и был погружен в свою внутреннюю работу.

Работал Лев Николаевич по одному и тому же раз заведенному порядку, который никогда и ни для кого не нарушался. Вставал около восьми часов утра и первым делом выносил свой ночной горшок, чистил свое платье, мел комнаты. В тот год было очень много мышей и крыс, и пришлось и ему принять свои меры ограждения от этих животных: на ночь ставить в кабинет мышеловку. (Если попадалась мышь, мышеловка вместе с мышью далеко выносилась Толстым во фруктовый сад, и там мышь выпускалась на волю.) Затем Толстой одевался, летом в какое-то серое пальто и мягкую неопределенной формы шляпу,

зимой — в валенки и полушубок и отправлялся на прогулку всегда один. С прогулки он возвращался около десяти часов, пил ячменный кофе и шел в кабинет работать. В это время ему никто не должен был мешать. Кабинет его был внизу — комната под сводами, отовсюду отделенная глухими стенами и пустовавшими запертыми комнатами, куда не доходила сутолока дня.

Иногда Лев Николаевич появлялся на недолго во время завтрака в 12 часов, перекидываясь с кем-нибудь одной-двумя фразами и тотчас уходил опять к себе и продолжал работать до 3-4 часов дня. После работы он одевался, снова выходил на прогулку, и тут обыкновенно гулял с кем-нибудь из гостей, любил разговаривать и идти со встречными крестьянами, причем был всегда оживлен, смеялся искренне и увлекательно своим уже беззубым ртом, принимал посетителей, дожидавшихся его у «дерева просителей», как называлось самое большое старое дерево, стоявшее неподалеку от крыльца.

Возвращался к обеду к 5 часам. За обедом всегда заходил разговор на тему, которая потом неизменно попадалась когда-нибудь в произведениях Льва Николаевича. После обеда Лев Николаевич несколько времени еще оставался в зале, разговаривал с гостями, затем около восьми часов вечера опять спускался к себе — писать дневник. К десяти часам он снова поднимался наверх и оставался здесь до двенадцати или до часа ночи, когда получалась почта со станции Козловка. Ее наскоро разбирал Лев Николаевич, отбирал свои письма, которые частью прочитывал, частью забирал с собою, и спускался спать.

Вечер посвящался, если в сборе была семья или гости, чтению. Чита-

лись французские и английские романы, русские произведения, которые присылались Толстому. Читал часто сам Лев Николаевич, и читал всегда очень выразительно. Особенно любил он читать Слепцова [12], и из Слепцова у него было два любимых произведения: «На постоялом дворе» [13] — глаза его оживлялись, в голосе появлялись вибрирующие интонации, его самая простая обыкновенная дикция была полна естественного юмора, и он сам и слушатели покатывались со смеху, и «Шпитонка» [14], которого Толстой никогда не мог дочитать до конца. Вначале его чтение этого рассказа по обыкновению было очень выразительно, но под конец глаза заволакивались, черты лица заострялись, он начинал останавливаться, старался преодолеть свое волнение, всхлипывал, уходил в будуар графини (чтение происходило за круглым столом, двери в будуар были ближайшими к этому столу).

Если было мало народу или читать было нечего, Толстой садился играть со мной в шахматы, и, если ему случалось выигрывать, он всегда заявлял: «Это уж Алексей Митрофанович нарочно мне поддался». Играл он действительно плохо, но очень серьезно и внимательно.

Разговоры наши с Толстым начались вскоре же после моего приезда. Я был революционер, позитивист и материалист или, по крайней мере, воображал себя таковым, и Толстой сразу пошел на штурм моих убеждений, доказывая мне, что государственное устройство это — только циферблат часов, а не внутренний механизм их; оно само является результатом нравственного и религиозного уровня общества, а не наоборот. Думать, что какое бы то ни было государственное устройство может сде-

лать людей лучше, это все равно, что переводить стрелку часов и воображать, что этим исправляешь их внутренний механизм. Материя есть наше представление, а представление не есть следствие материи. Дорого и нужно не положительное знание, а знание того, что мне нужно изучать, и это первый вопрос, который надо человеку решить, а мы откладываем решение этого вопроса и говорим себе: «постой, дай я сначала изучу то-то и то-то, и тогда положительно и досконально узнаю, что мне изучать». Для подкрепления своих положений Толстой дал мне читать свое сочинение «О жизни», но я его прочел уже много спустя после его смерти, потому что его живое слово заменяло мне мертвую книгу. Я отстаивал свои убеждения, по-видимому, довольно примитивно и этим выводил Толстого из себя. Кончалось дело тем, что он начинал говорить со мной неприятно и резко. Мне становилось обидно и горько, я замолкал и уклонялся от продолжения спора. Толстой сразу замечал перемену моего настроения: от его быстрого взгляда исподлобья мне ни разу не удалось скрыть ни одного движения души в продолжении тех 17 лет, когда я часто встречался с ним и бывал в Ясной Поляне.

Заметив мое волнение, Толстой обрывал спор и уходил к себе, но через полчаса поднимался опять наверх, подходил ко мне и искренне просил меня: «Ну, простите меня за мои грубые и глупые слова, и перестанем спорить»

Однако спор все равно возобновлялся часто в тот же вечер, хотя Толстой только раза два-три не сдержался со мной за все то первое время, когда мы еще спорили с ним [15]. Скоро Лев Николаевич переменял со мной тактику: наметив мои слабые места,

где я обнаруживал податливость и между нами были точки соприкосновения, он именно здесь привлек меня к общей работе и в процессе этой работы во многом уже переубедил меня.

Первым таким делом была школа. Очень поместительная и просторная изба садовника у ворот усадьбы была превращена в школу для деревенских яснополянских детей. Обучались дети грамоте, счету по азбукам Толстого, по его сказкам. Обучение взяла на себя Мария Львовна, помогали ей случайные гости, главным образом, последователи Л.Н. Толстого, приходившие проводить его (Е.И. Попов [16], Алены [17], И.И. Горбунов-Посадов [18], В.В. Рахманов [19] и др.) И вот к этой работе привлек Лев Николаевич и меня. Мария Львовна оставила себе младшее отделение, я взял старшее. Приходил я в школу после завтрака, около часа, и оставался в школе до темноты, и часто читал что-нибудь детям и вечером при лампе. Толстой часто заходил в школу. Но школа существовала только месяца два: священник из соседнего села донес о существовании никем не разрешенной школы, приехал благочинный, навел следствие, чему учат детей, ужаснулся, что не учат молитвеннику и «закону божьему». Затем приехал исправник, детей разогнали, книги конфисковали, школу запечатали, а с графини С.А. Толстой взяли подписку, что впредь она не допустит устройства у себя школы, и поздравили ее, что она, благодаря протекции губернатора, еще дешево отделалась, а то сидеть бы Марье Львовне и всем нам в Тульском остроге [20]. На этом и кончилась в Ясной Поляне моя работа по просвещению народа, чтобы начаться потом и претерпеть совершенно то же в другом месте, в глухом Мещерском болотистом крае Рязанской губернии,

куда я уехал работать через несколько лет земским врачом.

Вторая работа, на которой опять мы сошлись со Львом Николаевичем, была приведение в порядок яснополянской библиотеки. Книг было много, 13 шкафов, и книг самых разнообразных: и исторических, и религиозных и беллетристических, много книг на древнееврейском и греческом языках. К какой бы работе ни приступал Толстой, он начинал с ознакомления с предметом в подлинниках. Чтобы написать «Войну и мир», он перечитал сотни томов по истории Наполеона, мемуаров и печатных и письменных. Приступая к изучению Евангелия и библии, Толстой изучил древнееврейский и греческий языки, прочел книги ветхого завета с московским раввином Минором. И все эти книги были свалены без описи, без всякого порядка, в 13 шкапах. Я не мог отнестись равнодушно к участи такого культурного богатства и засел за составление каталога и за расстановку книг. Толстой часто заходил ко мне, проводил со мной подолгу время в беседах об этих книгах и бывал в высшей степени ласков. Как-то зашел разговор о высшей математике, о дифференциалах. Толстой, возмущавшийся вообще научным воляпюком, стал возмущаться и теперь: «Это какой-то фокус: dx — и ноль и не ноль. Если он ноль, так это не dx , а если это какой-то dx , тогда это не ноль. И простому, неисковерканному человеку понять ничего нельзя».

«Ваше возмущение, — сказал я, — совершенно напрасно, Лев Николаевич, DX — это и не ноль, и не величина».

«А что же это такое?»

«Это — символ, символ того, что данная величина бесконечно приближается к нулю».

«Ах, символ?!»

Толстой ушел в себя на несколько мгновений, а затем чрезвычайно просто, без всякого задора спросил меня:

«Почему же этого нигде не сказано, вот так просто, как вы это сейчас объяснили?»

«Может быть, не теми же словами, но именно в этом смысле везде сказано».

«А я никак не мог выбраться из этого противоречия, когда читал дифференциальное исчисление».

«Если вас это интересует, давайте я с вами пройду дифференциальное исчисление»

«Очень хорошо, давайте, давайте».

У нас было несколько уроков по дифференциальному исчислению. Толстой был очень внимательным и покорным учеником. Но когда мы дошли до дифференцирования тригонометрических функций, Толстой сказал мне: «Нет, не надо это мне, ни к чему», и наши уроки прекратились. Но какое-то сравнение из пройденного курса он все-таки вставил потом в свои статьи.

Вскоре после моего приезда в Ясную Поляну приехал туда один из последователей Толстого, Владимир Васильевич Рахманов, с тем, чтобы переписывать «Крейцерову сонату», которую тогда доканчивал Толстой. Рахманов был мой товарищ, один из того же числа молодежи, увлекавшейся сначала революционным движением восьмидесятых годов, а потом остановившихся перед террором, к которому свелась борьба с самодержавием, один из растерявшихся людей, к которым принадлежал и я. Часть из нас вернулась в ряды православия, как М.Н. Новоселов [21], В.Ф. Орлов [22], а другие очутились на распутьи и теперь с горячностью ухватились за учение Льва Николаевича, осмыслившее для них жизнь. Рахманов поселился в комнате рядом с кабинетом Льва Ни-

колаевича и целые дни проводил в переписке «Крейцеровой сонаты», в то время как Лев Николаевич писал «Послесловие» к ней. Лев Николаевич ходил с ним гулять, относился к нему чрезвычайно любовно и торопился окончить «Послесловие», чтобы дать возможность Рахманову увезти с собой всю «Крейцерову сонату», но сделать это ему не удалось, и «Послесловие» доканчивалось еще в январе 1890 г., даже чуть ли не до апреля месяца.

Во время одной из таких прогулок Лев Николаевич передал рассказ А.Ф. Кони [23] о том, как судили одну проститутку, обвинявшуюся в краже, и во время процесса один из присяжных заявил, что он не может судить эту женщину, потому что он сам отнял у нее невинность и толкнул на ту дорогу, по которой она дошла до преступления. Передав этот рассказ Кони, Лев Николаевич предложил Рахманову обработать его. Рахманов стал горячо убеждать Льва Николаевича самому взяться за этот сюжет. Разговор об этом возобновлялся у них несколько раз, и однажды, уже в зале при мне, Лев Николаевич, поддавшись, по-видимому энтузиазму Рахманова, сказал ему: «Ну, подумаю, подумаю. Но если я напишу его, я посвящу его вам». «Ну, вот когда я вознесусь на небо живым от гордости», — ответил Рахманов.

Рассказ был написан, — это всем нам хорошо известный роман «Воскресение», но без всякого посвящения.

Молодых людей, последователей Толстого, всегда скромных и тихих, приезжавших с ним побеседовать, сильно недолюбливала Софья Андреевна. Их демократизм, смазные сапоги или лапти, поддевки, полушубки, заношенное белье, рубашки, подпоясанные ремнями, а главное то, что они ни на кого и ни на что не обраща-

ли внимания, кроме Льва Николаевича и его бесед, встречало самое враждебное отношение с ее стороны, она прозвала их «темными» и старалась всеми силами как можно меньше допускать их в дом. На этой почве не раз происходили объяснения между Львом Николаевичем и женой, и после одной реплики со стороны жены, сказанной в повышенном тоне, Лев Николаевич, всегда крайне сдержанный и обладавший огромной волей, с блестящими глазами начал было горячо говорить: «Это все аргументы я отношу к известному разряду»... Но оглянувшись и увидев меня с сыном, тотчас же замолчал и ушел к себе в кабинет. Всегда занятый своей духовной работой, углубленный в свою работу самосовершенствования Толстой относился равнодушно к окружающему и иногда делал вид, что его что-нибудь занимает, чтобы не обидеть окружающих. Когда пришла весть, что старшая дочь Татьяна Львовна возвращается из-за границы, Толстой уделил этому приезду очень мало внимания. В тот самый вечер, когда лошади поехали на станцию за Татьяной Львовной, Толстой поднялся наверх в залу, подошел своей слегка шмыгающей походкой к столу, где сидели мы все, и обратился ко мне с обычай фразой? «А в шахматы сыграем?» Во время второй партии вошла наверх нарядная, оживленная Татьяна Львовна. Софья Андреевна устремилась к ней навстречу, расцеловалась с ней; Лев Николаевич только обернулся и сказал: «Ну, вот и приехала!» и продолжал партию. Дочь подошла, поцеловала отца, партия продолжалась, и только кончив ее, отец равнодушным тоном задал дочери несколько вопросов об общих знакомых.

С приездом Татьяны Львовны появились и новые интересы. Татьяна

Львовна также стала помогать в школе, стала помогать мне приводить в порядок библиотеку, но в долгие зимние вечера, когда мы собирались около круглого стола, а Толстой, заложив большие пальцы обеих рук за кожаный пояс своей черною рабочей блузы, прохаживался по гостиной, Татьяна Львовна часто обращалась ко мне с вопросами:

«Что бы нам такое выкинуть?»

«Зачем?»

«Скучно. Надо народ созвать».

«Хорошо, давайте поставим домашний спектакль».

Татьяна Львовна объявила, что идея ей нравится, и после недолгого обсуждения решили ставить «Бабье дело». Но тут оказалось, что то тому, то другому из нас не нравится та или другая сцена. Решили переделать, но и переделки не улучшили дела.

На помощь пришла Мария Львовна.

Мария Львовна была натурой, вкладывавшей всю свою силу в то дело, которое она делала, не умевшей ни в чем быть половинчатой. Вместе с тем, она никогда не умела отвлечься от жизни, не умела отделять идею от человека и работу от работника. Стремясь стать последовательницей своего отца, она сошлась с «темными» и в то время была особенно близка с П.И. Бирюковым [24]. Отец ничего не имел против сближения молодых людей, но Софья Андреевна решительно воспротивилась и запретила Бирюкову приезжать в Ясную Поляну. Так как Толстой был в постоянной переписке с Бирюковым по изданию книг по религиозно-философским вопросам, которые интересовали их обоих, а переписку Толстого в большей ее части вели дочери, то Марии Львовне приходилось писать Бирюкову и получать от него письма. Это вол-

новало Софью Андреевну и вызывало с ее стороны протесты.

Как-то вечером, в зимнюю вьюжную непогоду, Марья Львовна поднялась наверх в залу и подошла к круглому столу, за которым сидели Софья Андреевна за работой, Татьяна Львовна с книгой и я со Львом Николаевичем.

«Мама, — сказала она, — мне надо отправить сейчас спешное письмо, можно взять лошадь?»

(Письма в Ясной Поляне получались со станции Козловка Московско-Курской ж.д., до которой было три с половиной версты. Поезд приходил в 11 часов ночи.)

«Кому, Бирюкову?» — спросила графиня.

«Это все равно, кому, но можно отправить? Мне нужно, чтобы сегодня же дошло».

«Сегодня нет лошадей, до завтра можешь погодить».

Вступился было Лев Николаевич и предложил какой-то практический вывод, но графиня категорически отказала и напустилась и на отца, и на дочь за то, что они все время говорят о служении народу, оба вегетарианствуют, а вот теперь, когда понадобилось удовлетворить каприз, они не задумываются послать по такой погоде и старика кучера, и лошадь мучить. Отец и дочь замолчали, причем на лице дочери выразилось сожаление и растерянность. Мне стало жалко Марию Львовну, к которой я всю жизнь питал самые дружеские, ничем не омраченные чувства, и, кроме того, вероятно, заговорил задор против родительской тирании.

«Позвольте мне, Мария Львовна, — сказал я, — отнести ваши письма, я сегодня пойду на станцию».

«Что вы, в такую метель?» — удивилась Марья Львовна.

«Мне необходимо отправить свое письмо», — ответил я.

«Все равно я лошадь не могу вам дать», — вмешалась Софья Андреевна.

«Очень вам благодарен, обойдусь без нее», — ответил я.

Софья Андреевна потеряла хладнокровие.

«Только, пожалуйста, не рассчитывайте, что вас до двух часов будет ожидать чай на столе и прислуга будет начеку».

«Нет, нет, я ничего не думаю, это мне и не нужно».

Я встал, простился со всеми и обратился к Марье Львовне:

«Так приготовьте письмо, через полчаса я пойду».

Сбиться с дороги я не боялся — дорога идет лесом. Через полчаса я получил письмо, уверение Марии Львовны, что она себе простить не может, что была причиной моего безрассудного намерения, и двинулся в путь. Пронизывающий ветер, в двух шагах ничего не видно, но дорога мне была знакома, а как только добрался до леса, так стало тише, и я быстрее уже зашагал к станции. Когда я, измученный, с трудом волочивший ноги из сугробов, вернулся назад около двух часов ночи и вошел в дом, все уже спали, но в гостиной еще горел свет. Я разбудил слугу, отдал ему почту и, не подымаясь вверх, повернул к себе во флигель. Но не успел я сделать по дороге и десяти шагов, как на крыльцо выскочил Лев Николаевич в одной блузе, не одетый, с развевающимися седыми волосами и тревожно окликнул меня: «Алексей Митрофанович, куда же вы? Идите, выпейте чаю».

«Благодарю вас».

«Да идите же, выпейте, чай на столе».

Растроганный беспокойством Льва Николаевича, я вернулся. Мы подня-

лись вверх — в зале, кроме нас, никого уже не было, горела одна свеча. Выпив два стакана горячего чаю, я пожелал Льву Николаевичу покойной ночи и отправился в свой флигель.

Возвращаясь к своему рассказу о домашнем спектакле в Ясной Поляне.

Видя нашу с Татьяной Львовной неудачу в выборе пьесы, Марья Львовна обратилась ко мне: «А вы не читали пьесу папа?»

«Власть тьмы?»

«Нет, другая. Я видела ее между бумагами».

Я насторожился:

«Достаньте, пожалуйста».

«Хорошо, погодите».

Марья Львовна отправилась в кабинет, но в этот день ничего не принесла. Зато на другой день, только что, по обыкновению, мы уселись вечером за круглый стол, как послышались по лестнице легкие, быстрые шаги, и Мария Львовна с милою, довольною улыбкой подала мне рукопись. Семья Толстых и я уселись за стол, одного Льва Николаевича не было, и началось чтение. Начала было читать Татьяна Львовна, но потом, по общему приговору, рукопись была передана для чтений мне. Пьеса называлась «Ниточка оборвалась» и была бледным остовом той, которую мы знаем теперь под именем «Плоды просвещения». Но с первой же сцены, изображавшей богатую, беспечную жизнь паразитов, ограниченность их интересов, узость их жизнепонимания, в пьесе оказалось много тонко подмеченных черт быта Толстых, Раевских [25], Трубецких, Самариных [26], Филосовых [27] и других знакомых мне дворянских семей, так что я чуть не на каждой строчке выражал свой восторг.

Тотчас же после прочтения первого действия нами с Татьяной Львовной было решено непременно поста-

вить эту пьесу, а после третьего (последнего) мы уже разделяли пьесу для переписки ролей и стали распределять роли между знакомыми. Появился Толстой — оказалось он слушал чтение, оставаясь невидимкой в будуаре — медленной походкой подошел к столу.

«Что вы тут делаете?»

«Вот распределяем роли. Ах, как хорошо написано!» — ответил я с самым неподдельным восторгом.

Толстой пожевал губы и молча отошел.

На другой день мы уже переписали первое действие, набрали кое-кого тут же на усадьбе (управляющего, двух юношей Раевских) и вечером, отодвинув обеденный стол, с усерди-

ем принялись репетировать. Тогда Лев Николаевич позвал Марию Львовну и стал ей говорить, что надо оставить эту затею, — спектакль, что это — ненужная забава богатых и праздных людей [28]. Это была неправда, пьеса нас увлекла, и несмотря на то, что Марья Львовна уже от лица троих: Льва Николаевича, Софьи Андреевны и себя самой стала нас уговаривать оставить затею, мы и слышать не хотели. Наконец отец, взглядевшись внимательно в лицо Марии Львовны, заявил ей, что ей тоже хочется играть, чего она не стала отрицать. Когда Толстой увидел, что дело пошло всерьез, он потребовал репетиции при себе, на репетициях делал замечания, входил

Л. Н. Толстой и его помощники составляют списки крестьян, нуждающихся в помощи. Все запечатленные здесь лица упоминаются в воспоминаниях А. М. Новикова. Слева направо: П. И. Бирюков, Г. И. Раевский, П. И. Раевский, Л. Н. Толстой, И. И. Раевский, А. М. Новиков (автор воспоминаний), А. В. Цингер, Т. Л. Толстая. Деревня Бегичевка Рязанской губернии. Фотография П. Ф. Самарина, 1892 г.

в обсуждение подробностей, а на другое утро велел собрать все уже распечатанные роли и пьесу и засел за ее переработку.

Через три дня Марья Львовна принесла пьесу и объявила распределение ролей от имени Льва Николаевича, которому мы, конечно, с радостью покорились. Тотчас же был составлен список желательных исполнителей, полетели телеграммы в Москву, Тулу, Чернь, и через 4 дня три тройки привезли в Ясную Поляну целую толпу гостей — хороших знакомых Толстых: Раевских, Цингеров [29], Лопатина [30], Давыдовых [31] — из Тулы, Сергея и Илью Львовичей Толстых — из Черни, Льва Львовича, Мамонтовых [32], Рачинских [33] — из Москвы. Куча молодежи с упоением переписывала утром роли, вечером шли репетиции — и почти ежедневно после них Толстой снова собирал роли и снова переделывал пьесу. Пьеса создавалась прямо по исполнителям и переделывалась и переписывалась, по крайней мере, раз 20-30, но окончательная отделка ее была произведена уже после спектакля, в январе 1890 г. (спектакль был 30 декабря 1889 г.).

На репетициях и на спектакле Толстой от души хохотал и, подходя ко мне (я играл буфетчика Якова) много раз говорил мне: «Никогда я так не смеялся».

Главным исполнителем, вызвавшим восторг Толстого, был исполнитель роли 3-го мужика В.М. Лопатин. Когда он произносил свое знаменитое: «Куренка, скажем, выпустить некуда», зал умирал со смеху, а вся роль 3-го мужика была написана Толстым по мимике и интонации артиста.

Пьеса была живым изображением жизни тогдашнего высшего дворянства, даже фамилии действующих лиц были сначала взяты из действительно жизни (Самарин, Стахович [34], князь Львов

[35]) и только потом переделаны Толстым. Играли этих действующих лиц как раз те или почти те, с кого они были списаны (даже прислуга — Яша, Федор Иванович, лакей, повар — служили в доме Толстых), после репетиции в жизни продолжалось то, что только игралось на сцене: те же шарады, дурачества, цыганские романсы, поэтому Толстой прямо продолжал писать пьесу с исполнителями. В свою очередь исполнители не нуждались в тексте Толстого, чтобы играть «Плоды просвещения», и очень часто забыв роли, они вставляли отсебятину, которую подчас Толстой в том или другом виде вносил в пьесу. Вот почему нигде потом, ни в Малом театре в Москве, ни в Петербурге ни разу так дружно не играли «Плодов Просвещения», как в Ясной Поляне 30 декабря 1889 г.

Накануне спектакля, после генеральной репетиции, мужчины-исполнители обратились к Толстому с просьбой дать прочесть «Крейцерову сонату». Толстой принес — и началось было чтение в его присутствии. Чтение было поручено М. А. Стаховичу (впоследствии известному политическому деятелю), но когда собралось слушать и много женщин, Стахович перестал читать, ссылаясь на утомление. Тогда Толстой потребовал от дам, чтобы они удалились, и после их изгнания Стахович продолжал чтение. Когда повесть и вновь написанное «Послесловие» были прочитаны, наступило молчание.

«Ну, как?» — спросил Толстой.

Общее молчание, и один за другим гости простились с хозяином и удалились вниз.

Все сошлись в библиотеке, затворили двери, и началось обсуждение повести, идея которой подействовала на слушателей совершенно оглуши-

тельно. Общий голос был, что повесть слабая, идея слишком выдуманна, претенциозна, развитие рассказа надуманно и т.д. В середине разговора я вышел за дверь — и столкнулся нос с носом с подслушивавшим Толстым. Очевидно, ему страстно хотелось знать, удалось ли ему ясно высказать свою мысль, заставил ли он задуматься, сумел ли он захватить слушателей за живое — потому что новые мысли, высказанные в «Крейцеровой сонате», были кровно дороги ему. В этот же день утром, во время оживленной беседы Толстого с гостями к нему подошел сын Андрюша и сказал: «Папа, тебя какие-то две бабы-погорелки спрашивают. Они там, на кухне». Толстой тотчас же оставил гостей и пошел вниз в кухню, а несколько человек нас, знавших в чем дело, пошли за ним. Едва Толстой вошел в кухню и обратился к бабам с ласковым вопросом: «Что вам?», как те упали на колени и завывали. Толстой растерялся: «Встань, матушка, встань, встань», — обращался он то к той, то к другой из них, но бабы не поднимались и продолжали выть. Черты Толстого заострились, он беспомощно теребил баб, уверял их, что он не бог, и, наконец, заявил им, падая также на колени: «Ну, тогда и я стану на колени. Ну, чего же вам нужно?»

Но те с причитанием бухались в ноги.

«Ну, и я в ноги, ну и я, ну и я. Ну, что же вам нужно?» — приговаривал Толстой, отбивая бабам земные поклоны. Вдруг плач баб сменился истерическим хохотом, и тут только Толстой, взглядевшись, узнал в бабах своих дочерей. Вскочив с коленей, Толстой прямо покатился от хохота и, наконец, сквозь смех и слезы заявил: «Нет, это прямо безбожно», — и ушел в свой кабинет.

На другой день после спектакля начался разъезд гостей, кончился шумный праздник и начались будни. Лев Николаевич усердно занялся «Послесловием» к «Крейцеровой сонате», но работа шла плохо. «Нездоровится мне», — жаловался он.

Однажды уже в конце января, мы рано разошлись спать, но я засиделся внизу, в библиотеке, за составлением каталога. Стояла глухая ночь, полная луна ярко светила, и в доме было светло, как днем. Вдруг какой-то не-то крик, не-то стон прорезал тишину ночи. Я вздрогнул, вскочил и стал прислушиваться. Через минуту страшный стон повторился. Я выскочил за дверь, мигом взбежал наверх. В зале света не было, но среди ярко освещенной луной комнаты кто-то стоял на четвереньках и мучительно стонал. Я шагнул в залу и остоленел: стоящий на четвереньках был Лев Николаевич. На измученном, покрытом потом лице прилипли пряди волос, и вдруг опять глухой протяжный стон.

«Левочка, Левочка, что ты? что с тобой?» — послышался за мной тревожный голос Софьи Андреевны, и полуодетая, в капоте, в туфлях на босу ногу, она бросилась к Льву Николаевичу. Мы подняли его, отвели назад в спальню и стали кипятить на спиртовой лампочке воду для припарок. Оказалось, что Лев Николаевич решил перейти в кабинет, чтобы никого не будить стопами, но дорогой в зале от боли опустился на руки и уже не мог больше сдерживать стоны [36].

Проболел Толстой долго, поправился немного, написал несколько мелких вещей («Для чего люди одурманиваются?» [37], «Первая ступень» [38]), поехал на лошадях к своему брату Сергею Николаевичу в его имение Пирогово, там снова заболел [39], и его, тяжелобольного привезли в Яс-

ную Поляну. Только в марте Толстой стал поправляться. Еще осенью много раз он предлагал мне и другим своим собеседникам прочесть «Катехизис непротивления» Баллу [40] и «Декларацию непротивления» Гаррисона [41], рассказывал о «Сети веры» Хельчинского [42]. Теперь он решил перевести с английского «Катехизис» Баллу и «Декларацию» Гаррисона для книгоиздательства «Посредник». В переводе помогали ему обе дочери. Но когда перевод был сделан, планы Толстого уже далеко ушли от первоначального намерения. Оба эти перевода легли в основание нового сочинения «Царство божие внутри вас», которое он начал тогда писать и писал два года. В это время уже везде переписывалась и читалась «Крейцера соната» и «Послесловие» к ней, и против Толстого поднялась буря негодования. Бранили и укоряли его все: и херсонский архиерей, и народник Михайловский [43], и фельетонист Суворин [44], и философ Оболенский [45], люди, называвшиеся единомышленниками и последователями Толстого, также обращались к нему с укорами.

«Где вы хотите напечатать «Крейцерову сонату?» — спросил я его.

«Еще не решил», — ответил он.

«Так отдайте ее «Русским ведомостям».

Этой газете, всегда корректной и сдержанной, я тогда наиболее симпатизировал.

«Зачем же, — возразил Толстой, — отдавать мне им, людям, у которых со мной нет ничего общего? Духовно они мне чужды и враждебны».

Как раз в это время принесли почту, и Толстой, показывая мне принесенное письмо, сказал; «Ну вот, это от Оболенского. Я давно ждал этого письма, наверное, просит у меня

«Крейцерову сонату». Вот ему я ее и отдам».

С этими словами Толстой вскрыл письмо и погрузился в чтение. Письмо было длинное, но по мере того как он читал, лицо его все более и более омрачалось, черты заострились, не докончив письма, он молча собрал его и ушел в кабинет. Впоследствии я узнал, что письмо Л. Е. Оболенского (издававшего тогда журнал «Русское богатство»), человека, дружелюбно-го Толстому, было резкой критикой на «Крейцерову сонату» и, главное, «Послесловие», потому что в герое «Сонаты» и его рассуждениях все хотели видеть бред сумасшедшего. Так медленно и с таким трудом пробивала умы современников простая и логичная мысль Толстого.

В семье Льва Николаевича «Крейцера соната» также нашла сурового критика в лице Софьи Андреевны. Но здесь причина была чисто личная: в переживания героев Лев Николаевич внес, очевидно, много своего личного и семейного. И вот в ответ на как бы пренебрежительное, само собою подразумеваемое обвинение жены Позднышева Софья Андреевна написала «Ее Крейцерову сонату», где представлены оправдания для жены и обвинения мужа. Но и в этом отношении Толстой не заслуживал упрека: он одинаково воспроизвел психологический анализ как мужчины, так и женщины. Как художник, Толстой умел говорить только правду, и односторонность и тенденциозность были для него совершенно чужды.

Он очень метко подмечал все особенности сталкивавшихся с ним людей и по 2-3 фразам, по выражению лица умел отгадывать их душу. От художественного произведения он требовал прежде всего правды. Он часто говорил нам, собравшимся вокруг него:

«Если бы кто-нибудь из вас описал свою жизнь — ну, вот, Владимир Михайлович (Лопатин), Алексей Митрофанович, — это было бы величайшее художественное произведение».

Но мы чувствовали, что сказать о себе всю правду, без всяких философских и художественных прикрас, без всякой лжи и умолчаний, никто из нас не мог.

Наступила весна, солнце сильно прогревало землю. Потекли ручьи. Толстой уже поправлялся от своей болезни и подолгу сидел в зале в кресле. Однажды у нас зашел разговор о его болезни. Софья Андреевна сказала, что, по словам доктора, болезнь была уже не такая опасная, хотя, конечно, можно было и умереть.

«Ты напрасно меня пугаешь, — обратился Лев Николаевич к жене, — я знаю, что я ни от какой болезни не умру».

«Что ты хочешь сказать?»

«А вот то самое, что говорю. Ты считаешь смертью гибель моего тела? Так разве это я? Не думай, что я помру и что вы померете — это ведь такое кажущееся явление, как то, что где-то там, на горизонте земля сходится с небом».

Я всегда останусь с вами, как сейчас, и вы со мной и друг с другом. Ты, Маша, — обратился Толстой к дочери, — думаешь, что я когда-нибудь могу умереть?»

И, вынув Евангелие, которое он всегда носил с собой в кармане, он прочел о жизни вечной.

Мы с любовью молча смотрели на такого старенького, слабого, больного — и в ту минуту такого могучего, сильного, непобедимого, любимого — и в эту минуту чувствовали, что он действительно не может умереть и никогда не умрет для нас.

1. Толстой А. Л. (1877 — 1916) — сын Л. Н. Толстого. Помещик. Участник русско-японской войны 1904 г. Чиновник особых поручений при Тульском губернаторе.
2. Толстой М. Л. (1879 — 1944) — сын Л. Н. Толстого. Помещик. Участвовал в первой мировой войне в чине прапорщика. В 20-е гг. эмигрировал за границу.
3. Толстая Софья Андреевна (1844 — 1919) — жена Л. Н. Толстого.
4. Толстой Л. Л. (1869 — 1945) — сын Л. Н. Толстого. Писатель, сотрудник газеты «Новое время». Умер в Швеции.
5. Кузьминские:
Татьяна Андреевна (урожд. Берс) (1846 — 1925) — младшая сестра С. А. Толстой. С 1867 г. замужем за А. М. Кузьминским. Автор воспоминаний о Л. Н. Толстом.
Александр Михайлович (1843 — 1917) — двоюродный брат С. А. Толстой, муж Т. А. Берс. Юрист. В 80-е гг. XIX в. — председатель Петербургского окружного суда. В дальнейшем — сенатор.
Их дети:
Вера Александровна (1871, — ?)
Василий Александрович (годы жизни неизвестны)
Мария Александровна (1869 — 1923)
Михаил Александрович (1875 — ?).
6. Толстой С. Л. (1863 — 1947) — сын Л. Н. Толстого. Помещик. Писатель, композитор, музыковед. Большую часть жизни посвятил изучению и популяризации творческого наследия Л. Н. Толстого. Автор воспоминаний о Л. Н. Толстом. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.
7. Толстой И. Л. (1866 — 1933) — сын Л. Н. Толстого. Помещик. Служил в Калужском земстве. В 1914 г. уехал в США, где занимался чтением лекции о жизни Л. Н. Толстого.
8. Толстой И. Л. (1888 — 1895) — сын Л. Н. Толстого. Умер ребенком.
9. Толстая (в замужестве Сухотина) Т. Л. (1864 — 1950) — дочь Л. Н. Толстого. Участница поставленного в 1889 г. в Ясной Поляне спектакля по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (роль горничной Тани).

10. Толстая (в замужестве Оболенская) М.Л. (1871 — 1906) — дочь Л. Н. Толстого. Из всех детей Л. Н. Толстого была ближе всех к отцу. Разделяла его взгляды и следовала им в жизни. В 1889 г. участвовала в постановке спектакля по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (роль кухарки).
11. Толстая А. Л. (1884 — 1979) — дочь Л. Н. Толстого. Согласно завещанию Л. Н. Толстого в 1910 г. совместно с В. Г. Чертковым издала три тома посмертных сочинений Л. Н. Толстого.
12. Слепцов В.А. (1836 — 1878) — русский писатель. Автор реалистических рассказов, очерков, повести «Трудное время», рисующих картины жизни разночинцев в годы реакции и кризиса демократического движения середины 60-х гг.
13. Имеется ввиду рассказ В. А. Слепцова «Ночлеги».
14. Имеется ввиду рассказ В. А. Слепцова «Питомка». Рассказ повествует о безуспешных попытках молодой женщины найти свою ранее отданную на воспитание в чужую семью дочь, о душевных и черствых людях, встречающихся на пути героини рассказа.
15. Ср. дневниковые записи Л. Н. Толстого:
21 октября 1889 г.: «Разговор спорный тоже с иронией с Новиковым. Только что осрамился, пристыдился, опять делаю то же. Что, если бы я то же говорил с любовью. Как далеко мне до этого. Вечером опять разговор с Новиковым, опять без жалости, и любви...» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т.50. С.160);
1 декабря 1889 г. «Дьявол напал на меня прежде всего в виде самолюбивого задора, желания того, чтобы все сейчас разделяли мои взгляды, стал 29 ноября вечером спорить с Новиковым опять о науке, о прислуге, спорил со злостью... 30 ноября 1889. Так мерзко было, как после преступления. И в тот же день [дьявол] еще сильнее, завладев мною, напал. Я стал утром... с злостью, с ядовитостью не то, что спорить, а стал язвить ненавистно Новикова, так ненавистно, что потом, попытавшись тщетно писать, написав 1,5 страницы, почувствовал, что нельзя тек оставить, и пошел к нему просить прощение. Он сделал вид, что и не думает сердиться, и мне стало еще стыднее и мерзее на себя...» (Там же. С.185, 186).
16. Попов Е.И. (1864 — 1938) — автор ряда статей и книг по вопросам земледелия. Осенью 1887 г. посетил Ясную Поляну и с этого времени поддерживал дружественные отношения с Л. Н. Толстым до конца его жизни.
17. Алехин А. В. (1854 — 1918) — в 1889 г. на принадлежавшей ему земле устроил одну из первых толстовских земледельческих общин близ с. Успенского (Шевелево) Дорогобужского уезда Смоленской губернии. В 1892 г. сотрудничал с Л. Н. Толстым в деле оказания помощи голодающим.
Алехин А. Е. — двоюродный брат А. В. Алехина. Участвовал в революционном движении, но с конца 1880-х гг. стал разделять взгляды Л. Н. Толстого. Жил в 1890 — 1891 гг. в харьковской толстовской земледельческой общине «хутор Байрачный».
18. Горбунов-Посадов И.И. (1864 — 1940) — друг и единомышленник Л. Н. Толстого. Писатель и поэт. Сотрудник, а с 1897 г. — глава издательства «Посредник», которое было основано в 1884 г. по проекту Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова, при ближайшем участии П. И. Бирюкова и А. К. Чертковой. Под руководством И. И. Горбунова-Посадова издательство выпускало миллионными тиражами дешевые книги, предназначенные для широких слоев читателей.
19. Рахманов В. В. (1865 — 1918) — студент медицинского факультета Московского университета, позднее врач. Автор книги «Общедоступный лечебник» (М.: изд-во «Посредник», 1908) и других популярных книг и брошюр. В 1891 г. работал с Л. Н. Толстым по оказанию помощи голодающим. Автор ряда статей и воспоминаний о Л. Н. Толстом.
20. Ср.: дневниковые записи Л. Н. Толстого:
19 марта 1890 г.: «Приехал инспектор. Что-то вроде жандарма, допрашивал... Маша насилу отделалась. Закроют шко-

- лу, и мне жалко девочек...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т.51. С.30).
21. Новоселов М. А. (1864 — ?) — бывший преподаватель гимназии (Москва), сотрудник Л. Н. Толстого во время оказания помощи голодающим (1891 — 1892).
 22. Орлов В. Ф. (1843 — 1898) — знакомый Л. Н. Толстого, привлекался к дознанию по делу Нечаева, служил в железнодорожной школе в Москве. В 80-е гг. — сторонник философии «непротивления злу насилием».
 23. Кони А. Ф. (1844 — 1927) — русский юрист и общественный деятель, член Государственного совета, сенатор, почетный академик Петербургской АН (1900). Выдающийся судебный оратор. С 1887 г. в близких отношениях с Л. Н. Толстым, который не раз, обращался с просьбами к нему о содействии в помощи преследуемым за убеждения. В 1889 г. рассказал Л. Н. Толстому об одном случае из своей судебной практики, дав сюжет Л. Н. Толстому для романа «Воскресение».
 24. Бирюков П.И. (1860 — 1931) — друг и единомышленник Л. Н. Толстого. Автор четырехтомной его биографии, редактировал ряд статей Л. Н. Толстого. Работал в издательстве «Посредник».
 25. Раевский И.И. (1833 — 1891) — друг Л. Н. Толстого, помещик Данковского и Епифанского уездов Тульской губернии, организатор столовых для голодающих крестьян (1891). В 1889 г. участвовал в спектакле, поставленном в Ясной Поляне по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (1839).
Сыновья И. И. Раневского:
Григорий Иванович (1875 — 1905), Иван Иванович (1871 — 1931), Петр Иванович (1873 — 1920) — организаторы помощи голодающим (1891, 1892), друзья А. М. Новикова, участники спектакля по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения», поставленного в Ясной Поляне в 1889 г.
 26. Самарин П.Ф. (1830 — 1901) — помещик Епифановского уезда Тульской губернии, знакомый Л. Н. Толстого.
 27. Философов В. Н. (1874 — 1940) — помещик, брат С. Н. Толстой, жены И. Л. Толстого; Философов Н.А. (1839 — 1895) — художник, инспектор Московского училища живописи, ваяния и зодчества, член Общества любителей художеств, тесть И. Л. Толстого.
 28. Ср. дневниковую запись Л. Н. Толстого: 27 декабря 1889 г. «Тяжело от лжи жизни, окружающего меня, и того, что я не мог найти приема указать им, не оскорбив, их заблуждения. Играют мою пьесу и, право, мне кажется, что она действует на них и что в глубине души им всем стыдно и от того скучно. Мне же все время стыдно, стыдно за эту безумную трату среди нищеты...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т.50. С.194).
 29. Цингер А.В. (1870 — 1934) — знакомый Л. Н. Толстого, племянник И. И. Раевского. Впоследствии приват-доцент Московского университета по кафедре физики, автор ряда учебников и научных книг.
 30. Лопатин В. М. (1861 — 1935) — знакомый Л. Н. Толстого, мировой судья в Московской губернии. В 1889 г. участвовал в спектакле по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения», поставленной в Ясной Поляне (роль 3-го мужика).
 31. Давыдов Н.В. (1848 — 1920) — знакомый Л. Н. Толстого, судебный деятель, с 1878 г. — прокурор Тульского окружного суда, затем председатель этого суда. С 1897 г. председатель Московского окружного суда, доцент Московского университета. Дал Л. Н. Толстому сюжеты для пьес «Власть тьмы», «Живой труп». В 1889 г. — участник спектакля по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (режиссер, исполнитель роли профессора).
 32. Имеется в виду Дмитриева-Мамонова С.Э. (1860 — 1946) — подруга Т. Л. Толстой, участница спектакля, поставленного в Ясной Поляне по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения».
 33. Рачинская М.К. (1865 — 1900) — подруга Т. Л. Толстой, жена С. Л. Толстого (с 1895 г.), участница спектакля по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения», поставленного в Ясной Поляне.

34. Стахович М.А. (1861 — 1923) — друг семьи Л. Н. Толстого, камергер, член Государственного совета, член партии «мирного обновления», депутат I и II Государственных дум. Один из основателей музея Л. Н. Толстого в Петербурге.
35. Львов Г.Е. (1861 — 1925) — князь, тульский землевладелец, знакомый Л. Н. Толстого. Председатель Совета министров, министр внутренних дел Временного правительства (март — июль, 1917). С 1918 г. в эмиграции.
36. Описываемые приступы болезни Л. Н. Толстого имели место в феврале и марте 1890 г. (см. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т.51. С.19, 24, 26).
37. Окончена 8 июня 1890 г.
38. Окончена в сентябре 1891 г.
39. Это произошло в мае 1890 г.
40. Баллу А. (1803 — 1890) — американский пастор, идеолог теории «непротивления злу насилием»; в 1841 г. в г. Хоупдейл, штат Массачусетс (США) организовал общину, члены которой исповедовали непротивление злу.
41. Гаррисон У.Л. (1805 — 1879) — американский писатель, представитель философии духовного анархизма, борец за освобождение негров.
42. Хельчинский П. (около 1390 — около 1460) — идеолог умеренных таборитов в Чехии. Выступал за создание общества, основанного на равенстве и обязательном труде. Последователи Хельчинского создали Общину чешских братьев.
43. Михайловский Н.К. (1842 — 1904) — русский социолог, публицист, литературный критик, народник. Один из редакторов журналов «Отечественные записки», «Русское богатство». О повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» Н. К. Михайловский писал в статье «Письма о разных разностях» (Русские ведомости. 1890. N 64. 7 марта).
44. Суворин А.С. (1834 — 1912) — реакционный публицист, журналист, издатель газеты «Новое время»; выступил с резкой критикой повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» в газете «Новое время» (1890. 13, 20, 27 апреля).
45. Оболенский Л.Е. (1845 — 1906) — редактор и издатель либерального журнала «Русское богатство» (1883 — 1891). 28 марта 1890 г. Л. Н. Толстой получил от Л. Е. Оболенского письмо от 25 марта 1890 г., содержащее горячие нападки на «Крейцерову сонату». Это письмо с небольшими изменениями Оболенский опубликовал в печати (см.: Открытое письмо Л. Н. Толстому: (По поводу «Крейцеровой сонаты») // Биржевая газета. 1890. N 85. От 27 марта).

Публикация подготовлена
В. А. Мазур

